

Илья Бояшов

Писатель, историк. Родился в 1961 году в Ленинграде. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Лауреат Премии Правительства Санкт-Петербурга в области культуры и искусства (2021) и премии «Национальный бестселлер» (2007), финалист Всероссийской премии искусств «Созидающий мир» (2022). Книги его неоднократно экранизировались (по повести «Танкист» снят фильм Карена Шахназарова «Белый тигр»). Живет в Санкт-Петербурге.

А. С. Макаренко: к Году педагога и наставника

2023 год в России объявлен Годом педагога и наставника. Одним из самых известных педагогов-просветителей XX века, бесспорно, является Антон Семенович Макаренко, отнесенный ЮНЕСКО к четырем гениям, определившим способ педагогического мышления современности.

В марте 2023 года отмечается 135-летие гения педагогической мысли.

Антон Семенович Макаренко родился 1 (13) марта 1888 года на квартире, которую снимали его родители в поселке при железнодорожной станции у села Белополье Сумского Уезда Харьковской Губернии. Его отец, Семен Григорьевич Макаренко, трудился маляром в вагонных железнодорожных мастерских. Мать, Татьяна Михайловна (в девичестве Дергачева), была дочерью мелкого чиновника.

В 1897 году будущий великий педагог поступил в начальное железнодорожное училище, затем окончил четырехклассное училище и одноступенчатые педагогические курсы. В 1905 году Антон Семенович начал работу учителем в железнодорожном училище города Крюкова.

С 1911 года он трудился учителем на станции Долинская. В 1914–1917 гг. учился в Полтавском учительском институте, который окончил с золотой медалью.

Во время Первой мировой войны Антона Семеновича призвали в армию. Однако по слабости зрения (и при вмешательстве брата Виталия) педагог вскоре был демобилизован. Во время гражданской войны в 1919 году Макаренко переехал в Полтаву и по поручению Полтавского Губнаробраз (губернского отдела народного образования) создал трудовую колонию для несовершеннолетних правонарушителей в селе Ковалевка, которая позже получила имя Максима Горького.

В 1926 году колонию перевели в Куряжский монастырь под Харьковом.

Максим Горький проявлял самый живой интерес к деятельности Макаренко, оказывал педагогу всяческую поддержку. Летом 1928 года пролетарский писатель лично посетил колонию и пробыл там несколько дней.

С 15 октября 1927 г., одновременно являясь руководителем Колонии им. Горького, Антон Семенович руководил Коммуной им. Ф. Э. Дзержинского. В 1935 году был переведен в Киев, в центральный аппарат НКВД УССР на должность помощника начальника отдела трудовых колоний. Во время службы там носил форму сотрудника госбезопасности и имел табельное оружие. После ареста его непосредственного начальника только личное вмешательство народного комиссара В. А. Балицкого спасло Макаренко от неминуемой катастрофы.

Переехав в Москву, Антон Семенович стал заниматься литературной деятельностью. Выступал перед читателями, педагогическими активами многочисленных школ. Огромной популярностью в СССР пользовалась его книга «Педагогическая поэма».

1 апреля 1939 года Антон Макаренко скоропостижно скончался. По официальной версии — от сердечного приступа, случившегося в 10:30 по дороге в Дом творчества в вагоне пригородного поезда № 134 на станции Голицино.

Воспоминания современников об А. С. Макаренко

С. А. Калабалин (советский педагог, бывший воспитанник А. С. Макаренко):

С Антоном Семеновичем Макаренко я встретился в декабре 1920 года в несколько необычной обстановке: в тюрьме, где я отбывал наказание

за ошибки моего горького детства. С того времени прошло тридцать четыре года, но я хорошо помню все детали этой встречи.

Дело было так. Однажды вызвали меня к начальнику тюрьмы. Войдя в кабинет, я увидел, кроме начальника, незнакомого. Он сидел в кресле у стола, закинув ногу на ногу, в потертой шинельке, на плечах башлык. У него (была) крупная голова, высокий открытый лоб. Больше всего мое внимание привлек большой нос и на нем пенсне, а за стеклами блеск живых, насмешливо добрых, каких-то зовущих, умных глаз. Это был Антон Семенович.

Он обратился ко мне:

— Это ты и будешь — Семен Калабалин?

Я утвердительно кивнул головой.

— А ты согласился бы поехать со мной?

Я вопросительно посмотрел на него, а потом на начальника тюрьмы, так как мое «согласие» зависело от последнего. Антон Семенович продолжал:

— Понимаю. С товарищем начальником я договорюсь сам. Теперь, извини меня, пожалуйста, но так нужно, чтобы ты, Семен, вышел на минуточку из кабинета... Можно, товарищ начальник?

— Да, да, можно. Выйди, — отозвался начальник. Я вышел.

Правда, стоя за дверью в коридоре, в компании с надзирателем, я иронически размышлял: «выйди, пожалуйста», «извини, Семен», — какая-то чертовщина, для меня непонятная. Слова все такие, которых я почти и не знал. Станный какой-то этот человек.

Затем меня опять позвали в кабинет. Антон Семенович уже стоял.

— Ну, Семен, у тебя есть вещи?

— Ничего у меня нет.

— Вот и добре, — сказал Антон Семенович.

И обратился к начальнику:

— Так мы можем прямо от вас и идти?

— Да, идите, — подтвердил начальник. — Ну, смотри мне, Калабалин, а то...

— Не надо, все будет в порядке, — перебил начальника Макаренко. — Прощайте! Идем, Семен, идем.

Двери тюрьмы широко открылись. Я в сопровождении Антона Семеновича вышел на самую радостную часть дороги своей жизни.

Только через десяток лет, когда я уже был сотрудником Антона Семеновича, он мне рассказал:

— А выставил я тебя из кабинета начальника тюрьмы затем, чтобы ты не видел, как я давал на тебя расписку: эта процедура могла оскорбить твое человеческое достоинство.

Макаренко сумел заметить во мне достоинства человеческие, которых я тогда и не подозревал в себе. Это было его первое теплое человеческое прикосновение ко мне.

По дороге от тюрьмы до губнаробраза я все норовил идти впереди Антона Семеновича. Это для того, чтобы он видел меня, знал, что я не собираюсь бежать от него. А он — все рядом со мной, развлекает меня разговором о колонии, о том, как тяжело организовывать ее, и еще о чем-то, только не о тюрьме, не обо мне и моем прошлом.

Придя во двор губнаробраза и предоставив мне колонийского коня по кличке Малыш, Антон Семенович поразил меня своим поручением.

— Ты грамотный, Семен?

— Да, грамотный.

— Вот хорошо.

Тут он вынул из кармана бумажку и, вручая мне, сказал:

— Получи, пожалуйста, продукты — хлеб, жиры, сахар. Самому мне нет времени, сегодня мне придется побегать по канцеляриям. И, сознаюсь, не люблю я иметь дело с кладовщиками, весовщиками: как правило, они меня безбожно обвешивают и обсчитывают. А у тебя это получится хорошо.

И, не дав мне опомниться, хотя бы для приличия возразить, — быстро ушел.

Ну и дела! Интересно, чем все это кончится? Я почесал себе затылок, очевидно, как раз то место, где рождаются ответы на самые трудные вопросы в жизни, и продолжал размышлять: как же так? Прямо из тюрьмы и такое доверие — получить хлеб, сахар. А может, это испытание какое? Подвох? Я долго стоял с глазу на глаз со своими думами и пришел к выводу, что Антон Семенович просто ненормальный человек. Иначе как же доверить такое добро и кому!

Когда я зашел в склад, меня елейно-добренько спросили:

— Вы будете получать продукты? А кто вы такой?

— Потом узнаете, — и предъявил документы.

Все, что полагалось, я получил, уложил в шарабан — сооружение, покоившееся на рессорах от товарного вагона. Через некоторое время пришел Антон Семенович и, удостоверившись, что я поручение его исполнил, предложил запрячь коня и ехать.

При помощи вожжей, кнута, криков и причмокивания подобие лошади, с тридцатилетним опытом лени, тронулось с места. Отъехав не более двухсот метров от губнаробраза, Антон Семенович предложил остановиться и обратился ко мне с такими словами:

— Я и забыл. Там вышло какое-то недоразумение с получением продуктов. Нам передали лишних две буханки хлеба. Отнеси, пожалуйста, а то эти кладовщики подымут вой на всю Россию. Я подожду тебя.

Мои уши и лицо зажглись огнем стыда. Отчего бы это? Раньше этого со мной не бывало. Соскочив с шарабана, вытащил из-под сена две буханки хлеба и направился на склад. А в голове мысли: что же он за человек? Сам же сказал, что его обвешивали, а я думал, как лучше сделать, чтобы отомстить кладовщикам хоть парой буханок хлеба, но он говорит: «отнеси, пожалуйста».

— От спасибочки, молодой товарищ, — такими словами встретили меня кладовщики. — Мы так и знали, что это недоразумение, и все выяснится. До свидания. Будем знакомы.

Я обжег их ненавидящим взглядом и быстро вышел.

— Ты будешь грызть семечки с орешками? — предложил Антон Семенович, когда я уселся в шарабан. — Я очень люблю.

Истории с хлебом — как и не бывало. А мог бы Антон Семенович раскусить и так: я тебе доверил, я рискнул своим благополучием, забрал тебя из тюрьмы, а ты соблазнился хлебом, опозорил меня. Эх ты...

Нет, он так не сделал. Не оттолкнул он меня такой бестактностью, боясь, видимо, обидеть меня, боясь помешать самому мне переоценить поступок, который казался мне актом справедливого возмездия. Если бы он стал меня упрекать, вряд ли мы доехали бы с ним вместе в колонию...

Теперь мне припоминается, что в бригаду по борьбе с самогоном привлекались как раз такие ребята, которые любили выпить, и не раз в этом уличались. В особый ночной отряд по борьбе с грабителями на дорогах привлекались воспитанники, которые в колонию были определены за участие в грабежах. Такие поручения изумляли нас. И только спустя много лет мы поняли, что это было большое доверие к нам умного и чуткого человека, что этим доверием Антон Семенович пробуждал у нас к действию спавшие до того лучшие человеческие качества. Забывая свои преступления, мы, даже как бы внешне не исправляясь, становились в позицию не просто критического отношения к преступлениям, совершаемым другими, — мы и протестовали, и активно боролись с ними, а во главе этой борьбы был наш старший друг и учитель. Он вместе с нами заседал по ночам, подчас рисковал своей жизнью. Нам было бы стыдно предстать перед столом Антона Семеновича, нашего боевого друга и учителя, в роли нарушителя даже за самый малый проступок после того, как мы с ним, быть может, рядом лежали в кювете дороги, подстерегая бандитов...

Нам хотелось хоть чем-нибудь быть похожими на него: голосом, почерком, походкой, отношением к труду, шуткой. Любили мы его настолько ревниво, что не допускали даже его права, допустим, на женитьбу. Мы готовы были считать это изменой. Каждый из нас имел право на сы-

новьи чувства к нему, ждал отцовской заботы, требовательной любви от него и изумительно умно ими одаривался...

Однажды утром в кабинет к Антону Семеновичу прибежали девочки и наперебой затараторили, что они больше во двор ни за что не выйдут.

— Будем все время сидеть в спальне, и в столовую ходить не будем.

— Это почему же? — спросил Антон Семенович.

— А потому, что Вася Гуд ругается, как сапожник.

(А он и в самом деле был сапожник).

— Неужели еще ругается, девочки?

— Какой же нам интерес наговаривать?

Присутствуя при этой сцене, я чувствовал себя неловко. Сколько раз я слышал ругань Гуда, а вот остановить ни разу не пытался.

— Хорошо, девочки, идите. — И, обращаясь ко мне, Антон Семенович сказал: — Василия надо просто перепугать, и он перестанет ругаться. Позови его...

Вася Гуд робко переступил порог кабинета. Кстати, интересная деталь: если кого вызывали «к Антону», — значит, по делу вообще, а если «в кабинет», — значит, отдуваться.

Вызывая Гуда, я сказал:

— В кабинет!

— За что? — спросил Гуд.

— Там узнаешь...

Взъерошенного Гуда Антон Семенович встретил зловеще шипящим голосом:

— Значит, ты еще не перестал издеваться над славным русским языком? Ты дошел до такого бесстыдства, что даже в присутствии девочек ругаешься? А что же дальше?! Меня, меня скоро будешь облаивать?! Нет! Нет! Не бывать же этому! Как стоишь?! Пойдем! Пойдем со мной в лес, я тебе покажу, как ругаться! Ты надолго запомнишь, козьявка ты этакая! Идем!

— Куда, Антон Семенович? — пропищал Вася Гуд.

— В лес! В лес!

И пошли они в лес. Антон Семенович впереди, Вася за ним. Отойдя примерно на полкилометра от колонии, Антон Семенович остановился на небольшой полянке:

— Вот здесь ругайся! Ругайся, как тебе вздумается!

— Антон Семенович, я больше не буду, накажите как-нибудь иначе.

— Я тебя не наказываю, я условия тебе создаю. Ругайся! Вот тебе часы мои. Сейчас двенадцать. До шести хватит тебе, чтобы наругаться вдоволь?.. Ругайся!

Антон Семенович ушел.

Ругался или не ругался Вася, сказать трудно. Может, Вася рискнул бы уйти совсем, но мешали часы: они как бы на привязи держали его.

Ровно в шесть часов Вася явился в кабинет:

— Уже. Вот ваши часы.

— На сколько лет наругался? — спросил Антон Семенович.

— На пятьдесят! — выпалил Гуд.

Удивительное дело! Гуд перестал ругаться, да и не только он...

А. Землянский (мастер на заводе, бывший воспитанник А. С. Макаренко):

Макаренко создал колонию, в которой каждый из нас почувствовал себя человеком, равноправным членом трудового коллектива. Никто здесь не спрашивал нас о нашем прошлом, никто не копался в наших биографиях и душах, никто не попрекал нашим прошлым... Кредо колонии Горького было максимально простым и ясным даже каждому малышу: хочешь жить здесь — работай, учись, будь честным, уважай весь коллектив; не хочешь — уходи и не мешай остальным! Это было ново и непривычно! А главное, совершенно не походило на другие детские дома и приемники.

«Тут все странно», — говорили наши удивленные взгляды. Перемигиваясь друг с другом, мы молча решили: «Ну, хорошо, поживем — увидим. А заодно и узнаем, кто такой Макаренко...»

Шло время, и жизнь убеждала нас, что Макаренко — «дядька хороший», что жить с ним можно, а работать интересно. Меня и моих друзей-куряжан больше всего поразило то, что Антон Семенович, когда это нужно было, работал вместе с нами, засучив рукава. Необходимо было лес заготовить — Макаренко брал топор в руки и шел вместе с нами...

В такие минуты мы видели в Макаренко не начальника, не «завкола» — заведующего колонией, — а настоящего друга. Можно ли было усидеть без дела, если все мы видели, как рядом с нами работает наш руководитель?

Антона Семеновича можно было иной раз видеть в столярной мастерской или на другом каком-нибудь производстве. Эта простота Макаренко делала с нашими душами чудеса. Могу сказать без всякого преувеличения, что все здоровое, честное в колонии сразу же примкнуло к Макаренко. Но и нестойкие вскоре тоже пошли за ним...

Если попадался парень, упорно не желавший работать, его никто не принуждал к этому. Лишь на Совете командиров во время обсуждения ему, бывало, скажут:

— Коль скоро ты отдыхаешь и не работаешь, то надень костюм почище и гуляй!

После такого предложения некоторые брались за ум и шли работать. Но находились и такие молодцы, которые хотели все же показать свое «я» и

упорно уклонялись от труда. Макаренко всем привил особое, «почтительное» отношение к ним. Их в первую очередь вели в столовую, им чуть ли не уступали дорогу. В конце концов лодырь не выдерживал этого «ореола славы» и, заменив праздничную одежду будничной, шел работать.

Каждый такой случай затем с жаром обсуждался в отряде, где числился прогульщик. Коллективное мнение ребят играло при этом, пожалуй, большую роль, чем гневное слово воспитателя. Прогульщик чувствовал, что его осуждает не кто-то старший, а его же товарищи.

Некоторые колонисты разрешали себе брать без денег жареные семечки у торговков, сидевших вдоль старых стен куряжского монастыря. Макаренко терпеть не мог этого и не прощал таких случаев. Но как дать по рукам мелким воришкам? И тут Антон Семенович нашел выход. Он оказался совершенно неожиданным для всех нас.

Макаренко отдал распоряжение подавать в столовой семечки тем воспитанникам, которые были замечены в краже. Когда «любители семечек» появлялись в столовой, они неизменно находили на своем столе очередную порцию этого «лакомства». Но одно дело — украсть у торговли стаканчик семечек и тут же их погрызть, а другое — на глазах у всех ребят получить к столу такое «блюдо»...

В колонии Горького педагоги настолько близко стояли к своим питомцам, что создавался как бы единый коллектив нового, социалистического типа. Макаренко и другие педагоги жили в колонии, знали всех воспитанников.

И ближе всех к колонистам был, конечно, сам Макаренко. Как ни странно, но особенно сближало его с нами участие в художественной самодеятельности. Макаренко был инициатором и душой многих интересных дел — концертов, спектаклей, праздников — и сам принимал в них живое, активное участие. Антон Семенович писал для нас пьесы, разучивал с нами спектакли, сам был актером колонийского театра.

Колонисты за глаза ласково называли Макаренко «нашим Антоном» или просто «Антоном». Я смело могу сказать, что это имя родилось именно во время репетиций, во время совместного разучивания ролей. Антон Семенович стал в то время для всех нас близким человеком. У колонистов, особенно у новичков, быстро рушились ложные представления о «грозном», будто бы, завколе.

— Разве он сердитый, если вместе с хлопцами в театре представляет! — вслух размышляли новички. — А нам говорили, что Макаренко такой... А он совсем свойский...

А. К. Волнин (директор Полтавского педагогического института):

В Полтавский учительский институт, директором которого я состоял с 1914 по 1917 год, А. С. Макаренко поступил в сентябре 1914 года. Ему

было тогда приблизительно 25-26 лет. Это был стройный и крепко сложенный человек, с виду моложе своих лет, несколько широкоплечий, с энергичным выражением лица, выделявшимся на нем острым носом и стремительным через стекла пенсне взглядом; движения его были быстры, с характерными поворотами головы вместе со всем корпусом, который всегда он держал прямо; ходил в черном суконном пальто, в шляпе и простых сапогах с заправленными в них брюками.

Антон Семенович окончил институт в 1917 году. Вновь мы встретились с ним в Москве на учительском собрании по поводу двадцатилетия нашей школы, через 22 года после того как расстались. Время наложило на него свой отпечаток — острые углы лица сгладились, вся фигура стала грузнее, он уже не расставался с очками, на которые сменил пенсне, но характерная манера держать голову и энергичность движений остались вместе с демократической скромностью в одежде. Однако ни в этот раз, ни при вторичной встрече — 29 марта 1939 года, когда всего за два дня до смерти он в той же школе делал доклад на тему «Из опыта работы», Антон Семенович не жаловался на свое здоровье. Напротив, говорил, что чувствует себя здоровым, так что его внезапная смерть была полной неожиданностью и глубоко опечалила весь успевший за две встречи сродниться с ним коллектив работников нашей школы.

Полтавский учительский институт был открыт в том же 1914 году, когда Антон Семенович поступил в него. Осенью 1914 года происходил первый прием, так что Антон Семенович был слушателем первого выпуска института...

Слушатели института жили здесь своим мирком. Правда, о жизни их вне стен института мы знали немного. Жили они на частных квартирах и находились под наблюдением гражданских властей города в общем порядке. От нас требовалось только наблюдать за посещением ими церкви в праздничные дни и классных занятий в учебные дни. Редкие случаи нарушения кем-либо из них этих правил не создавали поводов для недоразумений. Преподавателям случалось заходить на квартиру к тому или другому слушателю, но это делалось в порядке знакомства; слушатели же бывали в свою очередь у преподавателей, и чаще всего за книгами.

А. С. Макаренко все мы ценили за его способности и серьезное отношение к работе и приветливо встречали его у себя. Мы не находились, понятно, в невинном заблуждении, чтобы не допускать, что наши слушатели собираются друг у друга для обсуждения и споров на политические темы, которые вызывали события империалистической войны и надвигавшейся революции, чтобы не допускать, что они посещают и общественные собрания где-либо в городе. Можно было догадываться,

что их не только волнуют, но и разделяют между собой вопросы о роли Украины и их самих в революционном движении. Однако мы не ставили им препятствий собираться по своим делам — учебным или бытовым — в стенах института из трусливого опасения, что под такой повесткой протащены будут политические вопросы и собрания выльются в политические митинги. В действительности этого и не случилось, преобладал корректный, серьезно-деловой тон поведения и отношений, протекала нормальная учебная жизнь без перебоев в занятиях и нарушений их какими-либо эксцессами — единичными, а тем более массового характера. Сколотив небольшие сбережения до поступления в институт или в течение каникул в годы учения в нем, слушатели поддерживали себя частными уроками...

Прием в учительские институты производился по конкурсному экзамену... Учителям с большим педагогическим стажем, при равных условиях в отношении образовательной подготовки, отдавалось преимущество. К категории таких относился и А. С. Макаренко, прослуживший учителем девять лет до поступления в институт. Это дало нам основание принять его в институт, несмотря на то, что он не выдержал испытания по «закону божию». Зато по всем остальным предметам сдал испытания блестяще. Эти факты сами говорят за себя, свидетельствуя о направленности его ума и взглядов уже в то время. Но он так выделся своими знаниями и начитанностью в области общеобразовательных предметов, основательными ответами на испытаниях, что произвел очень сильное впечатление, и оно выразилось при объявлении результатов испытаний вновь принятым слушателям, позволив мне высказать уверенность, что Макаренко будет лучшим учеником на своем курсе, несмотря на неудачную сдачу испытания по закону Божию.

Это явилось тактическим объяснением с моей стороны перед остальными слушателями допущенной исключительности в отношении принятия его в институт, а для него прозвучало призывом к ожидаемой от него работе над собой в институте. При встрече со мной в феврале 1939 года Антон Семенович припомнил этот случай с ним при поступлении в институт.

Ожидания наши оправдались: Антон Семенович не только отлично учился в течение всего курса института, но и был выдающимся учеником его, и окончил институт первым по успеваемости. Мало сказать, что отношение его к делу было самое аккуратное и серьезное. Он широко воспользовался той возможностью расширения и углубления своих знаний, какую предоставляла любознательности и трудолюбию учащихся принятая в институте система докладов. Темы для разработки в докладах давались по всем основным предметам и потому давали слуша-

телям возможность разностороннего расширения своего умственного кругозора. Преподаватели заботливо указывали литературу вопроса, консультировали докладчиков в процессе работы и снабжали их книгами, если их не оказывалось в институтской библиотеке. Но слушатели и сами умели достать нужную книгу в других библиотеках города. К слову сказать, не была бедна книгами и наша институтская библиотека. Она имела всю необходимую литературу по предметам преподавания, благодаря стараниям нашего библиотекаря, любителя и знатока книги — преподавателя Ф. В. Лысогорского. С наступлением революции, когда стало трудно приобретать книги, произведенное раньше пополнение библиотеки оказалось особенно ценным; за это новая смена слушателей и работников института, как слышно было нам, не раз помянула добрым словом своих предшественников.

Антон Семенович был наиболее активным и требовательным читателем книг институтской и других библиотек. Он сам вспоминал при встрече со мной, какую уйму книг поглощал при проработке докладов, уставляя ими весь свой рабочий стол не в один ряд. Эти доклады принесли ему, признавался он, громадную пользу, заложив в основном тот багаж знаний, на основе которого ему уже легко было в дальнейшем пополнять их.

Помню случай, имевший место во время одного из его докладов. Завязались прения, товарищи возражали против положений докладчика, видимо, стараясь и у него найти слабое место в докладе, подобно тому, как он не раз обнаруживал такие места у других. Докладчик отражал их возражения с неопровержимой силой аргументации, доказывая правильность своих взглядов, и с присущими украинцу юмором и иронией давал чувствовать беспочвенность самих возражений и неосведомленность оппонентов в вопросе. Страсти разгорались, и нужно было прекратить бесполезные споры. Пришлось в заключение сказать, что померяться силами с докладчиком — дело хорошее, но для этого нужно выступать подготовленным, чтобы не получилось у оппонентов детского лепета, который только конфузит их, но нисколько не ослабляет, а только еще сильнее оттеняет основательность и убедительность доклада. Вот этой-то основательности в суждениях и нужно учиться им у Макаренко, а одним детским лепетом нечего и покушаться опрокинуть его с несоизмеримым для них багажом его знаний. Такова была мысль, — точных выражений ее уже не помню, — какую я высказал, закрывая собрание. Но у Антона Семеновича живо остался в памяти финал этого доклада.

Выступления Антона Семеновича отличались не одной основательностью и логичностью в раскрытии мыслей, но были исключительно

хороши по форме. Антон Семенович совершенно свободно владел устным словом и, что особенно поражало в украинце, искусно владел гибкой и стройной фразой на чисто русском литературном языке, чего я не наблюдал больше ни у кого из своих слушателей-украинцев. Это был у него какой-то особенный дар. В течение двух-трех часов он мог излагать устно доклады вполне литературной русской речью, пересыпая ее нет-нет украинскими выражениями с присущим ему украинским юмором, что держало на неослабной высоте внимание слушателей его выступления и создавало большое впечатление от прослушивания его.

Помню, с каким интересом вслушивался в ответ его на экзамене по истории при переходе на II курс попечитель учебного округа А. Н. Дервицкий, который был известен как профессор, хорошо знающий историю...

Вот эти, не раз пережитые впечатления от былых выступлений Антона Семеновича невольно вставали в памяти в ожидании его доклада, с которым, по моей просьбе, он выступил 29 марта 1939 года в нашей школе, как оказалось, в последний раз в своей жизни, за два дня до смерти. Его слушали до двухсот железнодорожных учителей, которые съехались с разных дорог на совещание и теперь воспользовались представившейся возможностью послушать популярного советского писателя и педагога-орденоносца... Впечатление от его выступления было громадно...

В. Н. Тарасов (педагог Полтавского педагогического института):

Макаренко был принят в институт в августе 1914 года, а в июле 1917 года окончил его. Таким образом, Антон Семенович был моим учеником в течение трех лет, с момента поступления в институт и до окончания его.

Впервые я встретился с Макаренко во время вступительного экзамена по русскому языку. Мне пришлось давать тему сочинения для поступающих и следить за выполнением работы: преподаватель русского языка и литературы в это время был занят. Среди державших испытания, одетых преимущественно в пиджаки и рубашки-косоворотки и обутых чаще в сапоги, чем в ботинки, Антон Семенович выделялся своим костюмом. На нем была белоснежная накрахмаленная сорочка с черным галстуком. Брюки были тщательно отглажены, ботинки начищены. Черный сюртук, плотно облегавший его фигуру, и пенсне на черном шнуре еще более усиливали внешний контраст между Антоном Семеновичем и остальными поступающими. Однако это не помешало Макаренко установить в первые же дни испытаний дружественные отношения с остальными экзаменуемыми. Антон Семенович оказался человеком

весьма общительным. Незадолго до начала испытания я наблюдал, как поступающие в институт окружили Макаренко тесным кольцом и слушали его с большим интересом. То же можно было видеть и во все последующие дни испытаний.

На первый взгляд Антону Семеновичу можно было дать лет за тридцать, хотя при поступлении в институт ему было только двадцать шесть. Несколько суровое выражение делало Макаренко старше своих лет, но достаточно было появиться на лице Антона Семеновича легкой улыбке, как оно становилось добродушным, приветливым. Особенно привлекали внимание его умные, серые глаза. Казалось, Антон Семенович мог ими насквозь видеть человека.

Державшим экзамены было предложено написать «сочинение на рассуждение». От поступающих требовалось писать сочинение без черновика. На выполнение работы отводилось четыре часа.

Антон Семенович сидел на парте первого ряда, и я мог хорошо наблюдать его за работой. Меня особенно удивило то, что Макаренко писал сочинение без особого напряжения; у него не было длительных пауз обдумывания, как это наблюдалось у других. Предварительно составленный план всей работы освобождал Макаренко от планирования темы по частям.

Антон Семенович справился с заданием в два с небольшим часа. Это вызвало у меня такой интерес к его сочинению, что я решил просмотреть его работу. Сочинение было написано мелким, но четким, красивым почерком. В нем не оказалось ни одного зачеркнутого слова, ни одного исправления. Работа была весьма хорошей по содержанию, логической последовательности, стилю и орфографии...

В списке принятых в институт слушателей набора 1914 года Макаренко занимал одно из первых мест: удовлетворительная отметка по закону Божию, при отличных отметках по всем остальным дисциплинам, лишила Антона Семеновича права стать на первое место. Но богатые способности, умение работать и настойчивость дали возможность Макаренко исправить положение: во все время пребывания в институте Антон Семенович по успеваемости бесспорно стоял в своей группе на первом месте и окончил институт с золотой медалью.

А. С. Макаренко не сдал закона Божия, но, учитывая его отличные знания по другим предметам, ему поставили удовлетворительную отметку.

Т. Гайдамакина (учитель начальной школы им. Куракина):

С Антоном Семеновичем я проработала 1919–1920 учебный год в Полтаве в начальной школе имени Куракина, куда Антон Семенович и

я получили назначение в сентябре 1919 года. Ярко помню нашу первую встречу, во время которой произошло и наше первое столкновение.

Я приступила к работе на несколько дней раньше Антона Семеновича. До приезда в Полтаву я работала в одной из больших начальных школ Ленинграда с твердо установившейся репутацией дисциплинированной, образцовой школы. Как правило, мы, педагоги, беспрерывно находились с детьми. На перемены мы организованно выпускали детей в большой зал, во время перемен устраивали игры, а затем по парам выпускали их в класс. Этот прием я начала практиковать и в полтавской школе.

И вот, на четвертый день работы, проводя перемену с детьми, я увидела идущего по дорожке, которая вела к крыльцу школы, мужчину в полувоенной форме. Дети, по уже заведенному мною порядку, построились по парам, чтобы входить в класс. Подошедший спросил меня, что я делаю. Меня удивили слегка иронический тон и улыбка, но я вежливо ответила, что был звонок, и мы идем заниматься.

— А почему они стали у вас по парам?

Я начала было объяснять, почему я так делаю, но насмешливое выражение небольших серых глаз, смотрящих сквозь большие стекла очков, меня разозлило, и я резко спросила, кто он такой, что я должна отчитываться за свои действия. В ответ получила серьезно сказанным тоном:

— Простите, забыл представиться: Макаренко Антон Семенович, заведующий этой школой.

— Ну, вот и будете сами наводить порядки, — сказала я раздраженно.

— Нет, — закончил Антон Семенович, — работать мы будем вместе, а по парам выпускать детей не будем. Так в жизни не бывает.

Я не была новичком в педагогическом деле. За мной числился восьмилетний стаж работы в различных учебных заведениях. К этому времени я выработала свои приемы, имела свое «педагогическое кредо». Замечание Антона Семеновича меня не на шутку задело, и я стала внимательно присматриваться к работе Антона Семеновича, посещать его уроки.

И вот, когда я бывала на уроках Антона Семеновича, меня удивляло спокойное, ровное, деловитое настроение класса. Дети занимались арифметикой, чтением, письмом так же просто, серьезно, как взрослые делают свою очередную работу. О нарушении дисциплины говорить не приходилось. Никогда Антон Семенович не проводил того, что мы называем «организационным моментом». Мел, аккуратно вытертая доска, чистота в классе были делом дежурного ученика. Необходимые наглядные пособия были всегда на месте. Правда, у Антона Семеновича наиболее ходким пособием был мел. Он красиво

писал, хорошо рисовал, чертил. Как-то на уроке географии Антон Семенович в течение нескольких минут, попутно объясняя, начертил географическую карту на доске так четко и ясно, что при задании на дом один из учеников, заглянув в книгу, воскликнул:

— А в книге такая же карта, как у Антона Семеновича, только поменьше!

Антон Семенович так быстро приучил класс к самостоятельной работе, что никому из других учителей не приходилось наводить порядок в его классе, когда он по служебным или общественным делам оставлял класс, дав ученикам самостоятельное задание. Об его отсутствии мы унавали только на перемене, когда сходились и беседовали по текущим делам. Спросишь, бывало, ученика:

— Антон Семенович в классе?

— Нет, — с гордостью отвечает ученик, — мы сами занимались.

А. С. Макаренко: мысли, афоризмы, высказывания

Никакое дело нельзя хорошо сделать, если неизвестно, чего хотят достигнуть.

Человек не может жить на свете, если у него нет впереди ничего радостного.

Не может быть хорошим воспитатель, который не владеет мимикой, который не может придать своему лицу необходимого выражения или сдержать свое настроение. Воспитатель должен уметь организовывать, ходить, шутить, быть веселым, сердитым. Воспитатель должен себя так вести, чтобы каждое движение его воспитывало, и всегда должен знать, чего он хочет в данный момент и чего он не хочет. Если воспитатель не знает этого, кого он может воспитывать?

Мир казался мне чудесным сиропом страшно сложного состава: вкусно, увлекательно, а из чего он сделан — не разберешь, какие гадости в нем растворены — неизвестно. В такие минуты нападают на человека философские жучки, и человеку хочется поскорее понять непонятные вещи и проблемы.

Отказаться от риска — значит отказаться от творчества.

Педагог должен знать свой предмет по-настоящему хорошо, и тогда его будут уважать и слушаться, даже если он резкий человек. Но каким

бы вы добреньким ни были, хоть кормите их конфетами, если вы своего предмета не знаете — вас и в грош не будут ценить.

Если у человека есть семья, которую нужно кормить, если его работа сопровождается заработком, человеку легче заставить свои мускулы работать, преодолевая и боль, и усталость, иногда и отвращение.

Любовь должна обогащать людей ощущением силы, и она обогащает.

Человека нужно не лепить, а ковать... создать такую цепь упражнений, цепь трудностей, которые надо преодолевать и благодаря которым выходит хороший человек.

Книги — это переплетенные люди.

Концентрация родительской любви на одном ребенке — страшное заблуждение.

Наша методика воспитания должна основываться на общей организованности жизни, на повышении культурного уровня, на организации тона и стиля всей работы, на организации здоровой перспективы, ясности, особенно же на внимании к отдельному человеку, к его удачам и неудачам, к его затруднениям, особенностям, стремлениям.

Храбрый не тот, который не боится, а тот, который умеет подавить свою трусость. Другой храбрости и быть не может.

Тот, кто способен относиться к женщине с упрощенным бесстыдным цинизмом, не заслуживает доверия как гражданин: его отношение к общему делу будет так же цинично, ему нельзя верить до конца.

Когда интеллигент что-нибудь делает из принципа, это значит, что через полчаса и он сам, и все окружающие должны принимать валерьянку.

Каков ребенок в игре, таков во многом он будет в работе, когда вырастет.

Наши дети — это наша старость. Правильное воспитание — это наша счастливая старость, плохое воспитание — это наше будущее горе, это наши слезы, это наша вина перед другими людьми, перед всей страной.

Настоящая педагогика — это та, которая повторяет педагогику всего общества.

Воспитывает все: люди, вещи, явления, но прежде всего и дольше всего — люди. Из них на первом месте — родители и педагоги.

Хорошее в человеке приходится проектировать, и педагог это обязан делать.

Если дома вы грубы, или хвастливы, или пьянствуете, а еще хуже, если вы оскорбляете мать, вам уже не нужно думать о воспитании: вы уже воспитываете ваших детей, и воспитываете плохо, и никакие самые лучшие советы и методы вам не помогут.

Сколько десятков веков живут люди на свете, и вечно у них беспорядок в любви! Ромео и Джульетта, Отелло и Дездемона, Онегин и Татьяна, Вера и Сильвестров. Когда это кончится? Когда, наконец, на сердцах влюбленных будут поставлены манометры, амперметры, вольтметры и автоматические быстродействующие огнетушители? Когда уже не нужно будет стоять над ними и думать: повесится или не повесится?

В деле перевоспитания нет ничего труднее девочек, побывавших в руках. Как бы долго ни болтался на улице мальчик, в каких бы сложных и незаконных приключениях он ни участвовал, как бы ни топорщился он против нашего педагогического вмешательства, но, если у него есть — пусть самый небольшой — интеллект, в хорошем коллективе из него всегда выйдет человек. Это потому, что мальчик этот, в сущности, только отстал, его расстояние от нормы можно всегда измерить и заполнить. Девочка, рано, почти в детстве начавшая жить половой жизнью, не только отстала — и физически, и духовно она несет на себе глубокую травму.

Чтобы сохранить коллектив, сохраняйте его живое ядро, следите, чтобы всегда поколение сменялось при наличии подготовленного поколения, (...) сберегайте правила, традиции.

Всегда соблюдать дисциплину, выполнять то, что неприятно, но нужно делать, — это и есть высокая дисциплинированность.

Самая трудная вещь — требование к себе.

Научить человека быть счастливым нельзя, но воспитать его так, чтобы он был счастливым, можно.

Если я буду так поступать, чтобы все остальные были счастливы, тогда и я буду счастлив.

Всякое несчастье всегда преувеличено. Его всегда можно победить.

А вы думаете, ведьма — так обязательно на метле? И с таким носом? Нет. Настоящие ведьмы красивые.

Наказание — это не только право, но и обязанность в тех случаях, когда наказание необходимо.

Внешность имеет большое значение в жизни человека, и трудно представить себе человека грязного, неряшливого, чтобы он мог следить за своими поступками.